

УДК 177

Попков Василий, Попкова Анжелика

**НТР – КАТАЛИЗАТОР ИЗМЕНЕНИЙ В
ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ**

В статье говорится о том, как глубоко преобразуя экономику, политические отношения, общественное сознание, научно-техническая революция активно вторгается во внутренний мир человека. Она активно трансформирует образную картину мира, социальную память, «демассифицирует» и «интерактивизирует» коммуникативную среду, перестраивает информационный процесс на принципах «клип-культуры» и прочих инноваций кибернетической эпохи. Все это ставит современного человека перед нелегкой задачей выработки внутренней автономии, способности самостоятельно, без внешних указаний и поддержек использовать достижения НТР и возможности глобализации в интересах собственного развития.

Ключевые слова: научно-техническая революция, общественное сознание, глобализация, интерактив, демассификация, социальная память, коммуникация.

Попков Василь, Попкова Анжеліка

**НТР – КАТАЛІЗАТОР ЗМІНИ В СУСПІЛЬНІЙ
СВІДОМОСТІ**

У статті мовиться про те, як глибоко перетворюючи економіку, політичні стосунки, суспільну свідомість, науково-технічна революція активно вторгається у внутрішній світ людини. Вона активно трансформує образну картину, соціальну пам'ять, «демассифікує» і «интерактивізує» комунікативне середовище, перебудовує інформаційний процес на принципах «кліп-культур» і інших інновацій кібернетичної епохи. Все це ставить сучасну людину перед нелегким завданням вироблення внутрішньої автономії, здібності.

самостійно, без зовнішніх вказівок і підтримки використовувати досягнення НТР і можливості глобалізації на користь власного розвитку.

Ключові слова: науково-технічна революція, НТР, суспільна свідомість, глобалізація, інтерактив, демасифікація, соціальна пам'ять, комунікація.

Popkov Basil, Popkov Angelica

STR - CATALYST CHANGES IN SOCIAL CONSCIENCE

In the article was talked about that, how by deep transformation of the economy, political relations, public consciousness, the revolution actively intrudes into the internal world of man. It actively transforms the vivid picture of the world, social memory. It “demassificates” and “interactiizates” the communicative environment, and reconstructs an informative process on principles of «clip-culture» and other innovations of cybernetic epoch.

All of it puts a modern man before the task of making the internal autonomy, capabilities of independent, without the external directives and supports to use the accomplishments of NTR and possibilities of globalization in behalf of own development.

In conditions of the «recessive state» the post-industrial personality must gradually undertake regulative state functions. So the state control in increasing degree must be transformed into the self-control of personality, the state regulation – into the self-regulation; the state government – into the self-government; the state education – into the self-education. The main integrative point in this process must be not external, political, internal, - ethical, factor: those eternal principles of Christian sermon, which not once rescued the sociality during the most critical and catastrophic epochs of world history.

Keywords: NTR, public consciousness, globalization, interactive, demassification, social memory, communication.

Постановка проблемы. В течение более чем полвека на различных уровнях ведутся дискуссии о социальном аспекте научно-технической революции. Сторонники разных подходов к этой

проблеме сходятся в том, что производя фундаментальные изменения в энергетике, средствах производства, коммуникациях, биологической сфере и т.д. НТР глубоко трансформирует общество – его экономику, политические отношения, общественное сознание.

В энергетике происходит переход от «грязных» и невозобновляемых источников энергии к чистым и возобновляемым. Причем эффект усиливается за счет совершенствования технологий аккумулирования и передачи энергии.

В сфере средств производства всепроникающим становится процесс автоматизации и кибернетизации промышленности и сельского хозяйства, применение материалов с заданными свойствами, где биотехнология превращаются в приоритетный фактор.

В сфере коммуникаций, благодаря компьютеру, интернету, спутниковой системе связи и оптико-волоконным технологиям открывается широкая возможность не только массовизации информационных процессов, но стремительного развития двусторонних, многосторонних и разносторонних интерактивных коммуникаций.

То есть общество и человек оказываются в принципиально новых быстро меняющихся энергетических, технологических и коммуникационных условиях, которые не только открывают новые возможности и горизонты, но и создают новые, незнакомые проблемы, активно вторгаются во внутренний мир человека, трансформируют внутрисоциальные связи и отношения. Исследуя эти аспекты НТР профессор М. Делягин подчеркивает, что биологическая эволюция человека уже сегодня в неизмеримо меньшей степени определяется внешними для него как вида, чем внутренними условиями – технологиями и социальной структурой, активно и почти беспрепятственно преобразующими в соответствии с его потребностями уже не только внешний для него мир, но и его самого [См.:1, 157-158].

Причем наиболее мощному и непосредственному воздействию подвергается массовое сознание, общественная психология. Как отмечал в свое время Э. Тоффлер «информационные бомбы» взрываются в самой гуще людей, осыпая общество шрапнелью образов и в корне меняя и восприятие нашего внутреннего мира, и наше поведение [См.: 5, 263].

Анализ последних исследований и публикаций. Вслед за американским футурологом различные исследователи с различных позиций усматривают некоторую общую тенденцию: при вхождении в информационное пространство постиндустриального общества происходит *изменение образной картины мира*. Связанные воедино, ментальные образы активно «строят» внутриличностную картину мира. Они задают наше восприятие пространства, времени, места в структуре социальных отношений.

Исследователи в области исторической психологии отмечают, что до наступления эры масс-медиа ребенок, росший в доиндустриальной, медленно меняющейся деревне, строил свою модель реальности, исходя из образов, полученных только от учителя, священника, авторитетных односельчан и, конечно, от семьи. Очень немногие видели какую-либо отдаленную местность. В результате круг людей, которым можно было подражать и следовать, был весьма ограниченным. Поэтому и образы мира, сформировавшиеся у деревенского ребенка, были скудными. Общинные традиции, давление коллективных условностей еще больше «дисциплинировали» его образный ряд и его поведение.

Индустриальное общество стало шагом вперед. Оно увеличило число каналов, по которым в сознание индивида поступал материал для формирования картины мира. Ребенок стал пополнять свой внутренний образный ряд не только из окружающей природы и ближайшего окружения, но и из популярных книжек, радио а, позднее, и от телевидения. Во всем остальном, государство, дом, школа, церковь, дополняя друг друга, продолжали формировать внутренний мир ребенка, В своей зрелой фазе индустриальное общество открыло для себя возможности формирования образного мира людей, в котором «образы реальности» могут преобразовываться, или вообще вытесняться под воздействием «медиаобразов». Тоталитарные режимы активно подхватили это новшество и поставили производство образов, мифов и грез «на конвейер». Некоторые образы, настолько широко и интенсивно распространялись среди масс и так основательно были «втрамбованы» в память миллионов людей, что превратились по сути дела в «сакральные символы», массового поведения. Эти централизованно разработанные и тиражированные.

образы способствовали стандартизации нужного для жесткой индустриальной системы способа жизнедеятельности.

С приходом постиндустриализма информационные технологии радикально меняют ситуацию. Наряду с новой техносферой появляется новая инфосфера, и это влечет за собой далеко идущие последствия во всех отношениях. На людей в возрастающем темпе и, со все большей интенсивностью, обрушиваются новые и новые волны информации, постоянно меняя картину мира. Под нарастающим информационным давлением люди вынуждены постоянно пересматривать и расширять картотеку внутренних образов. Старые, относящиеся к прошлой жизни образы должны постоянно заменяться новыми, иначе действия людей будут все более отставать от бурно меняющейся реальности. Внутренне «не обновляемые» люди обречены. Их диагноз – прогрессирующая некомпетентность.

Э. Тоффлер выделяет такие признаки современного информационного общества как «одноразовое искусство», оперативные видеоролики, моментальные цифровые фотографии, скоростные ксероксы, принтеры, факсы, «скоропортящиеся» и быстро сменяемые образчики изобразительного искусства. В этих условиях идеи, верования, оценки сменяя друг друга, врываются в человеческое сознание и внезапно исчезают в никуда. Повседневно воздвигаются и ниспровергаются всевозможные теории, концепции, гипотезы, авторитеты.

Изложение основного материала. Традиционные идеологии теряют влияние и поддержку. Политики лихорадочно «ловят конъюнктуру», атакуя общественное сознание резко сменяемыми идеологическими и моральными лозунгами. Человеку становится все труднее отыскивать смысл в этой бурлящей фантазмагории. Все это говорит о том, что современное информационное общество не просто ускоряет информационные потоки, оно трансформирует глубинную структуру информационного производства.

В первую очередь такой трансформации подвергаются «масс-медиа». Их поведение в условиях информационного общества существенно отличается от поведения в условиях индустриализма.

В эпоху индустриализма средства массовой информации стремились к монополии и централизации, захватывая все большую и большую.

Однако в условиях постиндустриального мира происходит обратное: централизованные СМИ вместо того, чтобы расширить экспансию, вынуждены отступить пол натиском более мелких конкурентов. Происходит «демассификация масс-медиа».

Каждая массовая ежедневная газета встречает все большую конкуренцию со стороны набирающих силу малотиражных еженедельников. С конца 70-х годов XX века начало «сдавать» центральное телевидение. Волновое телевидение практически вытеснено кабельным, которое в свою очередь вытесняется спутниковым. Дело ускоряется за счет широкого применения дешевых опτικο-волоконных систем. Интернет переполнен блоггерами, каждый из которых «гнет свою линию». Специалисты констатируют: началась совершенно новая эпоха - эпоха «немассовых» средств информации.

Кабель, спутник и ноутбук «демассифицируют» аудиторию, разделив ее на множество мини-аудиторий. Более того, кабельные системы делают телесвязь двусторонней, так что зрители могут не только смотреть программы, но и общаться с различными службами. Домашние спутниковые антенны позволяют индивидуальным телестанциям формировать временные мини-сети для специализированного программирования и посылать сигналы повсюду и отовсюду за минимальную цену, тем самым разрушая существующие телесети.

Демассифицированные средства информации демассифицируют и общественное сознание. В прошлом веке постоянное «промывание мозгов» потоками стандартизированных образов, привела к тому, что социальные критики называют "массовым сознанием". Сегодня уже не массы людей получают однотипную информацию, а небольшие группы населения обмениваются созданными ими самими образами, используя, прежде всего, возможности интернета, который превратился в универсальный канал глобального общения.

Этим отчасти объясняется тот факт, что мнения по какому-либо вопросу – от постмодерна в искусстве до текущей политики – становятся менее стандартизированными. Консенсус распадается. Современное общество погружается в специфическую «клип-культуру», признаком которой является разбивка образного ряда

на крошечные фрагменты. Это явление охватывает все – от популярных книг и художественной литературы, до массовых газет, журналов, радиопрограмм, электронных средств информации.

Публика, привыкшая к готовым, устоявшимся моральным и идеологическим стереотипам прошлого, оказывается дезориентированной в калейдоскопе «осколков информации». Ее раздражает не только содержание материала, который становится все более «откровенным» и вызывающим, но и сам тип подачи материала. Ее все интенсивней пичкают короткими вспышками информации – рекламой, командами, концепциями, обрывками новостей, какими-то усеченными информационными деталями, не укладывающимися в прежние ментальные ячейки. В то же время, молодое поколение чувствует себя вполне комфортно в этом «клипированном мире», учится создавать свои собственные "полосы" идей из того пестрого «лоскутного» материала, который обрушивают на них современные средства информации.

Таким образом современная публика уже не получает готовую ментальную модель реальности. Она вынуждена постоянно формировать ее и трансформировать. Эту ситуацию по-своему интерпретирует известный социальный философ М. Маклюэн: «наши новые технологические ресурсы попросту «проскочили» эпоху Ньютона. Эти внезапные перемены принесли своего рода трансвизуализацию ценностей и итоговое ощущение бессмысленности человеческой жизни и стремлений, поскольку исчезли первоначальные цели и задачи...» [2, 71]. Это подвергает психику серьезным испытаниям, но в то же время ведет к большей индивидуализации, демассификации как личности, так и культуры. Некоторые из современных людей ломаются под таким давлением, отступают, испытывая отчаяние или агрессивность. Другие, наоборот, внутренне растут, формируют себя и становятся компетентными людьми, способными работать на уровне требований времени.

В условиях демассификации современной цивилизации происходит огромный скачок объема информации, поскольку многократно возрастает информационный обмен между независимыми индивидами. Чем более разнообразна цивилизация, чем более дифференцированными становятся ее технология, энергетические контуры, системы управления, тем больше.

информации должно проходить между составляющими ее частями, чтобы иметь возможность воспроизводить их целостность, особенно перед лицом новых и новых глобальных испытаний.

То же касается и индивидов. Чем более мы унифицированы и стандартизированы, тем меньше нам нужно знать друг о друге, чтобы предвидеть поведение каждого. Но по мере того, как люди становятся все более индивидуализированными и демассифицированными, требуется все больше информации, чтобы предвидеть, хотя бы в общих чертах, как они собираются поступать в тех, или иных случаях. Отсутствие этих прогнозов, может привести к распаду социальных отношений постиндустриального мира. Демассифицированные индивиды, испытывая информационный дефицит» в сверхсложном обществе, не сумеют работать и даже жить вместе. Поэтому во всей социальной системе с нарастающей интенсивностью пульсируют потоки данных.

Есть и еще одна особенность современной инфосферы. Подобно доисторическим народам, придававшим материальному миру духовную силу, НТР на качественно новом витке истории наделяет современный «безжизненный» технический мир интеллектом. Центральным персонажем здесь является компьютер. Первоначально роль компьютера воспринималась в соответствии с понятиями и представлениями индустриальной эпохи с ее гигантоманией и централизмом. Главным достижением того этапа был большой суперкомпьютер, который покоился в бомбоубежище на глубине сотен метров в стерильной среде, управляемый группой супертехнократов. Эти централизованные гиганты вскоре стали неотъемлемой частью социальной мифологии 60-х годов XX в. Кинорежиссеры, авторы комиксов, фантасты изображали их как символ будущего.

Однако в 70-х годах XX в. действительность обогнала фантазию. Символом будущего стал не «супергигант», а миниатюрный компьютер. Мировым трендом стало уменьшение размеров, нарастание емкости памяти и падение стоимости «интеллектуальных машин». Миниатюрные недорогие ноутбуки, нетбуки, планшеты, для работы с которыми уже больше нет нужды в специально подготовленной «касте жрецов», превратились в вездесущий и всепроникающий элемент нашей повседневной жизни.

Как отмечает современный исследователь СМИ Д.С. Мокичев, десять-пятнадцать лет тому назад компьютеры, виртуальная реальность и интернет были чем-то сродни тайному знанию, доступному лишь кучке посвященных. Сейчас же пространство сети доступно практически любой домохозяйке, в нем ведется активная торговля и осуществляется самое разнообразное общение, а для миллионов людей виртуальность вообще стала «основной реальностью» - в ней они проводят большую часть свободного от сна времени [См.: 3, 78-79].

Такое тотальное «пропитывание» деловой, политической, военной, научно-образовательной, культурной, медицинской, бытовой и множества других сфер нашей жизни «искусственным интеллектом», порождает тревожные философские вопросы. Не перейдет ли все управление к компьютерам? Не окажется ли, что интеллектуальные машины, объединенные в коммуникационные сети, выйдут за пределы возможностей человеческого понимания и станут недоступны для контроля над ними? Не сможет ли однажды Старший Брат (персонаж из романа Дж. Оруэлла) подключиться не только к нашим телефонам, но и к коре головного мозга, взяв на учет не только каждое наше движение, но и всякое суждение? В какой мере люди позволят себе зависеть от готового все решить за них компьютера? Не атрофируется ли наш собственный разум в условиях «обволакивания» щупальцами «искусственного разума»? Сохранятся ли у нас навыки, необходимые для выживания в случае внезапного коллапса глобальной компьютерной системы?

Эти вопросы еще в большей степени обострились в связи с кибернетизацией современных войн. Недаром кибероружие прозвали «атомной бомбой бедных», поскольку оно не требует особых затрат, а посредством хакерских атак способно выводить из строя целые системы современного производства и обороны, наносить колоссальный ущерб экономике и безопасности не только отдельной страны, но даже совокупности стран. Опасность таких войн, как полагает политолог К. Ранкс, заключается в том, что «мы все можем войти в эту войну, даже поначалу не заметив, что она уже началась, она может идти вяло и незаметно, постепенно набирая обороты, по мере того, как все большее число людей окажутся у черты, за которой неожиданно будет обрываться их привычный образ жизни» [4, 7].

Понимая важность и остроту всех этих «проклятых» вопросов, мы в то же время должны признать что децентрализация интеллекта, вызванная «кибер-революцией» имеет и позитивный аспект. Она объективно работает на независимость личности, на ослабление и подрыв централизованной мощи тоталитарного государства. Правда, централизованное государство имеет «свой дивиденд» от информационных технологий. Оно может использовать мощь «искусственного интеллекта» для нанесения концентрированных ударов по общественному сознанию и демократии.

В любом случае инфосфера стремительно меняется, и социальная система выходит на кардинально новый уровень коммуникации, влияя на все сферы общественного сознания, включая нашу социальную память. Психологи разделяют все виды памяти на память чисто индивидуальную, или частную, не доступную для других, и память общую, открытую для совместного доступа, то есть социальную. Частная память, не соединенная с другими, умирает вместе с человеком. Социальная же память продолжает свое существование.

Секрет успешного развития вида *Homo Sapiens* напрямую связан со способностью человека хранить и отыскивать нужную информацию, заключенную в *социальной* памяти. Уже дважды (при переходе к земледелию и, позднее, при переходе к индустриализму) человечество круто перестраивало свою социальную память. Сегодня мир входит в новую, третью фазу, преобразования инфосферы, и, соответственно, социальной памяти.

Логика исторического развития социальной памяти такова. Первоначально социальные группы были вынуждены накапливать свою общую память там же, где они хранили память частную, т. е. в головах людей. Родоплеменные старейшины, мудрецы и т. п. накапливали и хранили социальную память в формах сказаний, мифов, практических навыков и знаний, легенд и рисунков. Они передавали таким способом накопленную память своим детям в сказках, песнях, эпических сказаниях и на примерах. В этой памяти содержалась информация о том, как развести огонь, как лучше заманить в ловушку зверя, как вязать плоты или толочь зерно, как заострить палку для рыхления земли, или копьё для охоты. Весь накопленный опыт группы хранился в нейронах мозга. Объем такой

социальной памяти был жестко ограничен. В головах любого племени было ровно столько места для хранения информации, сколько было членов данного племени.

Индустриальная цивилизация разрушила физические ограничители памяти. Она ввела массовую грамотность, стала оформлять систематические деловые записи, протоколы заседаний, конспекты лекций. Она построила тысячи библиотек и музеев, изобрела картотеки. Тем самым она извлекла социальную память из «черепной коробки», нашла новые способы ее хранения и вывела ее за рамки прежних ограничителей. Увеличение запаса кумулятивного знания ускорило все процессы нововведений и социальных перемен. Так родилась стремительно меняющаяся и развивающаяся культура, дотоле неведомая миру.

Скачок в инфосферу постиндустриального общества привел к изобретению новых средств массовой информации, радикальной демассификации, картографической съемке земли спутниками, текущему электронному контролю за торговыми центрами, местами массового скопления людей, лежащими пациентами, компьютеризации всевозможных документов систематического хранения. Регистрации жизни современной цивилизации приобрела универсальный и тотальный характер. Современная цивилизация получает в свое распоряжение гораздо больше и гораздо лучше организованную информацию о себе самой, чем это было еще четверть века назад.

Социальная память в информационном обществе становится не только обширной, но и активной. Компьютер далеко раздвигает границы возможного. Ни библиотека, ни каталог сами по себе не могут мыслить, тем более мыслить необычно и оригинально. В противоположность этому компьютер стимулирует поток новых теорий, идей, идеологий, художественных озарений, технических прорывов, экономических и политических инноваций, которые до сих пор были немислимыми и невообразимыми. Тем самым он ускоряет процесс исторических изменений, поддерживает резкий сдвиг в сторону социального многообразия, что приводит к неоднозначным последствиям.

Все более заметным становится переход глобального сообщества в динамичное и нестабильное состояние. Происходит мутация социальных и политических институтов, наследников эпохи.

Просвещения. Форсированно подвергается ломке и перестройке все поствестфальское мироустройство. Расширяется глобальный андеграунд (в виде религиозных фанатиков, национал-экстремистов, неонацистов, всевозможных «фанов», кибер-террористов и т.д. и т.п.). Политическое управление все более превращается в управление рисками.

Теоретики эпохи Нового мирового порядка начинают признавать, что вместо него наступает эпоха Нового мирового беспорядка. Как отмечал еще в начале XXI века профессор А.И. Уткин, нарастанию хаотических процессов в мире будут содействовать религиозный фундаментализм, национализм и расизм, подрыв авторитета международных организаций, приоритет местного самоуправления, религиозное самоутверждение, этническая нетерпимость, распространение оружия массового поражения и обычных вооружений, расширение военных блоков, формирование центров международного терроризма и организованной преступности, насильственная реализация принципа самоопределения меньшинств, экономическое неравенство, неуправляемый рост населения, миграционные процессы, крах экологических систем, истощение природных ресурсов. Городские банды и криминальные структуры могут заместить национально-государственные структуры. При этом фактом является, что информационная и коммуникационная технологии служат эффективнее индивиду, чем государству [См.: 6, 89].

Выводы. Итак, глубоко преобразуя экономику, политические отношения, общественное сознание, НТР активно вторгается в мир человека. Она активно трансформирует образную картину мира, социальную память, «демассифицирует» и «интерактивизирует» коммуникативную среду, перестраивает информационный процесс на принципах «клип-культуры» и прочих инноваций кибернетической эпохи.

Все это ставит современного человека перед нелегкой задачей выработки внутренней автономии, способности самостоятельно, без внешних указаний и поддержек использовать достижения НТР и возможности глобализации в интересах собственного развития. В условиях «отступающего государства» постиндустриальная.

Так государственный контроль во все большей степени должен преобразовываться в самоконтроль личности, государственное регулирование – в саморегулирование; государственное управление – в самоуправление; государственное воспитание – в самовоспитание. Главным интегративным началом в этом процессе должен стать не внешний, политический, а внутренний, этический, фактор, те самые вечные принципы Нагорной проповеди, которые не раз спасали социальность в самые переломные и катастрофические эпохи мировой истории.

Литература

1. Делягин М. Место информационной революции в эволюции человека //Постчеловечество. – М.: Алгоритм, 2006. – 320 с.
2. Маклюэн М. Война и мир в глобальной деревне/М. Маклюэн; пер с англ. – М.: АСТ,2012. – 219 с.
3. Мокачев Д.С. В ожидании виртуального мессии // Чеснокова Т.Ю. Постчеловек. От неандертальца до киборга. – М.: Алгоритм, 2008. – 368 с.
4. Ранкс К. Мировая война XXI века / К. Ранкс. – М.: Эксмо, 2011. – 256 с.
5. Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ./ Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2002. – 776 с.
6. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века/А.И. Уткин. – М.: Эксмо, 2002. – 512 с.

1. Delyagyn M. Mesto y`nformacy`onnoj revolyusy`y` v evolyusy`y` cheloveka //Postchelovechestvo. – M.: Algori`tm, 2006. – 320 s.
2. Maklyuэн M. Vojna y` my`r v global`noj derevne/M. Maklyuэн; per s angl. – M.: AST,2012. – 219 s.
3. Mokachev D.S. V ozhy`dany`y` vy`rtual`nogo messy`y` // Chesnokova T.Yu. Postchelovek. Ot neandertal`cza do ky`borga. – M.: Algori`tm, 2008. – 368 s.
4. Ranks K. My`rovaya vojna XXI veka / K. Ranks. – M.: Eksmo, 2011. – 256 s.
5. Toffler Э. Tret`ya volna: Per. s angl./ Э. Toffler. – M.: AST, 2002. – 776 s.

6. Utky`n A.Y`. My`rovoj poryadok XX1 veka/A.Y`. Utky`n. – М.: Эксмо, 2002. – 512 s.

Рецензент: Мілова М.І., д.політ.н., професор кафедри політології Одеського національного університету імені І.І.Мечникова

26.03.2015

УДК 930.1/2(477)

Румянцева Анжеліка

**ДІЯЛЬНІСТЬ ТА СТАН СТУДЕНТІВ
НОВОРОСІЙСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ
В 1905-1907 РР.: ДЖЕРЕЛЬНА БАЗА ЗАЗНАЧЕНОЇ
ПРОБЛЕМИ**

У даній статті подається перегляд положення та діяльності студентів Імператорського Новоросійського університету в 1905-1907 рр., розкриваючи політичний і революційний рух в молодіжній студентській сфері, що, безумовно, представляє великий інтерес серед сучасників з історичної та політичної точки зору. Ці історичні факти, які ґрунтуються на опублікованих документах, матеріалах з архіву та преси, котрі свідчать про те, що серед тогочасних студентів був поширений політичний плюралізм.

Також багато уваги в статті автор приділяє джерельній базі вищезазначеної проблеми. Вона включає в себе, окрім іншого, матеріали з різних збірників про революцію 1905-1907рр., присвячених безпосередньо політичним поглядам і революційному руху студентів Новоросійського університету. Крім цього, ми також маємо дані з одеських газет тих років різних політичних напрямків, а також видань, присвячених Одеському університету.

Таким чином, автор максимально розкриває проблеми студентства Новоросійського університету в період революції 1905-1907рр.

Ключові слова: політичний плюралізм, революційний рух, проблеми студентства, Новоросійський університет, джерельна база, політичні напрямки.